

Пришел художник на ярмарку

*Культура. — 1997 —
22 февр. — с. 6*

Есть ли художественный рынок в России сегодня — а если и есть, то какой он, — не знает по-настоящему пока никто. Зато есть художественные ярмарки, которые, по логике вещей, представляют собой фокус этого рынка. Отклики на них были самые разные. Но все же наши ярмарки — тоже реальность, и уже поэтому ее нельзя игнорировать. На последней по времени, Арт-Манеж-96, в программе "Имена" приглашенным художникам отводилось определенное пространство, которое они могли заполнять по своему усмотрению. Среди участников программы "Имена" был и Юрий ЗЛОТНИКОВ, художник совсем не молодой, проживший большую часть жизни в советской стране. Окончив элитную художественную школу, пойти по пути стандартного советского художника не смог — как он сам говорит, уже тогда был "отравлен Сезанном". Прошел стажировку в Большом театре, помогая известным художникам, но оставаться в "правительственном" театре не стремился: "тошнило от запаха марципана и плюша". Долгое время Юрий Злотников преподавал в районном Дворце пионеров в Москве, занимаясь своим крамольным абстрактным искусством в свободное время. Он был одним из тех, кто создавал "другое искусство" 60 — 70-х годов. Вряд ли ему тогда приходила в голову мысль, что когда-нибудь он окажется со своими работами на ярмарке в Манеже.

— Я получил предложение участвовать в программе "Имена" от художественного руководителя ярмарки В.Мейланда. Первоначально задача была почти декоративная, затем родилась идея — создать своего рода панно, панораму нашей эпохи. Интересно, что когда получаешь работу как заказ, то экспериментальная сторона исчезает и на первый план вступает социальный аспект. Неожиданно обнаруживаешь, что находишься в других условиях, и это заставляет собраться.

— Велик ли ваш опыт рыночных отношений?

— В чистом виде — прямо скажем, не очень. И не очень положительный. Например, как-то раз принимал участие в аукционе в Гамбурге, но неудачно, потому что галерейщик, которого мне порекомендовали, почему-то решил продать мои работы по явно заниженной цене, что не только нанесло ущерб мне, но и вредило организаторам аукциона.

— При этом вы наблюдали и рынок самого высокого уровня.

— Я видел в Париже множество галерей. Может быть, я варвар, но у меня возникло впечатление, что они — как магазины, и работы даже хороших художников, попадая в них, теряют что-то важное. Наверное, наша культура больших выставок нас избаловала, создала атмосферу дискуссионности, в которой существует и воспринимается искусство. Мы не привыкли к искусству, на которое просто смотрят. Мы не привыкли к тому, что искусство может быть, как вещь — хорошая вещь, — которую покупают и которой пользуются. Ведь по картинам старых голландских мастеров, например, очень хорошо можно опреде-

лить размеры жилья того времени — именно для него они и создавались. Мы не привыкли к искусству как предмету, как ценности. Этого в России нет. В России искусство — это декларация, социальный взрыв... Правда, сейчас и у нас появляется некоторая декоративность, эротика, овеществление. Этакая буржуазность. Но все это в зародышевом состоянии.

— И, как правило, не лучшего качества.

— Да, это так. Вдруг вылезла, как на Арбате, сентиментальность немецких дешевых открыток. Россия, в которой когда-то была дворянская, разночинная, крестьянская культура, вдруг превратилась в какую-то странную бюргерскую страну. С городской культурой, но очень низкого пошиба — как трофейное барахло, навезенное после войны.

— Но ведь наши художники имеют уже достаточно большой опыт общения с западным рынком, с западными галереями...

— Да, на Западе, в особенности после первого аукциона "Сотби", возник настоящий бум вокруг нашего искусства. Правда, он был связан не столько с конкретными художниками, сколько с общим интересом к происходящему в России. Я к этому буму относился с некоторой опаской, потому что культура не создается мгновенно и требует определенных условий. Россия всегда была несколько аморфна, это эклектическое пространство. Я полагаю, что появление наших художников в Европе — это покупка впрок, покупка еще не созревшей культуры. Но эта ситуация сохраняется и по сей день. Когда Малевич ехал в Европу, он врывался в нее, как мощный заряд энергии, как ме-

теор. Он не стеснялся. А сегодня туда едут все же люди второго сорта, с протянутой рукой. Это уже акт поражения. Причем умные художники, как Кабаков, тоже подыскивают себе традицию — что-то вроде авторского кино, как у Феллини. И даже эксплуатируют кокетливо свою провинциальность. Это придает нашему искусству соответствующий этнографический привкус.

— А как наши галереи?

— По-разному. Это можно было увидеть и на ярмарке: настоящей винегрет.

— Но это вполне в духе ярмарки, она должна быть пестрой.

— У нас есть галереи, например, Якута или Гельмана, которые мимикрируют под западные. Я бы на их месте не пытался строить какую-то мasonicкую ложу — хотя я понимаю, что это их стратегия перед Западом, желание продемонстрировать активность, изобразить какую-то художественную жизнь, — я бы не боялся запачкаться вот этой нашей жизнью, нашей дикостью. Эта стихия естественна, от нее все равно никуда не уйдешь, так лучше понять это и обыграть ситуацию. Тогда они раскрепостились бы, стали свободнее и сильнее.

— Легко ли выставлять свои работы на продажу? Что чувствует при этом художник?

— Кто-то из западных художников сказал, что когда подписываешь договор, то есть продаешь работу, она кончается как искусство, становится чем-то другим, каким-то продуктом со своей функцией и местом в жизни. Я эту границу еще очень плохо воспринимаю. Ведь в той жизни, которую я прожил, я делал только проекты — это при нашей нелюбви к быту, к ритуалу жизни, при нашем неумении жить.

ФОТО Н. САМОЙЛОВА

Поэтому очень странно видеть свою вещь как товар. Но я думаю, что художники постепенно к этому идут. Хотелось бы только, чтобы рынок рождал дифференциацию: разделял разные направления в искусстве. Вот искусство массовое, вот социальное, вот экспериментальное. Выстраивал иерархию культуры. Пока же ситуация непонятная.

— Вы оказались на ярмарке один, без поддержки галереи. Вам приходилось самому представлять свое искусство. Удачно?

— Честно говоря, я хожу по этому залу примерно так же, как Пьер Безухов по Бородинскому полю. Что-то здесь происходит, но я не очень хорошо понимаю, что именно, как к этому приложиться. Я не деловой человек, в моем поколении это было даже неприлично: если деловой — значит сволочь. Это не значит, что я такой чистый, скорее, просто нет опыта и умения. Мне очень интересно соприкоснуться с настоящими деловыми людьми, я даже какой-то авантюризм в себе чувствую. Не хочется быть деловым в дурном смысле слова, а с другой стороны, то, что я делаю, уходит прямым ходом куда-то в вечность и никому здесь не нужно.

— Значит, все таки требуется помощь?

— Безусловно. Если бы была солидная галерея, с которой я мог бы постоянно работать, — это было бы замечательно. Да и на ярмарке можно сделать много. С одной стороны, должна быть какая-то концепция. У ярмарки должно быть свое лицо, отличающее ее от других ярмарок. Конечно, так оно и получается, но надо, чтобы это было не стихийно, а сознательно, эстетически проработано. С другой стороны, если это рыночный механизм, то он должен именно ра-

ботать, работать со зрителем: что предпочитает зритель? Каков его уровень восприятия? Как он соотносится с уровнем художников? То есть регистрировать некие социальные градусы. А пока что все выглядит достаточно аморфно. Есть художники, которые в этой ситуации, как рыбы в воде. Но не я.

— Все-таки ярмарка — это не магазин, куда просто приходят купить. Ярмарка — это всегда праздник, пестрая толпа, карусели. Чувствуется ли на художественной ярмарке эта знаменитая атмосфера свободного веселья?

— По-моему, не очень. Есть все-таки какая-то скованность. Ну так она и в нашей жизни есть, несмотря на новых русских. Не хватает свободы, легкости, импровизации, умения видеть свою цель не в упор. Нет свободы общения, когда никому не надо ничего доказывать. По идее, рынок и должен нас раскрепощать, и художников, и зрителей. Но пока этого не чувствуется. Есть осторожность. Но разве это удивительно? Ведь жизнь-то достаточно тяжелая. Одни хотят продать, другие приобрести, при этом еще надо и имидж свой не испортить — такое переплетение мотивов. Я-то вот не очень волнуюсь, потому что мою махину вряд ли кто купит.

— Предложений не было?

— Был здесь директор музея Сахарова, они хотят, чтобы я что-нибудь для них сделал, но он по сути дела лишь подтвердил предложение, которое уже было сделано раньше. Был молодой коммерческий директор, интересовался, но конкретного разговора пока не было. Вообще-то мне было бы интересно увидеть свою картину где-нибудь в офисе, это будет новый для меня опыт.

Беседу вел
Сергей РОМАШКО